

А. П. ЧЕХОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

СБОРНИК

Под редакцией
А. К. КОТОВА

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 4 7

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕХОВЕ

1879 год для медицинского факультета Московского университета ознаменовался большим наплывом молодежи. На первый курс поступило около 450 студентов и в том числе нас, одесситов, четверо и трое из таганрогской гимназии, среди последних был и А. П. Чехов. Не помню, встречался ли я с ним в первое время, но позднее благодаря знакомству моему через студента-юриста Х. М. Кладас, с другом и товарищем А. П., тоже медиком, Василием Ивановичем Зембулатовым, я обратил внимание на будущего писателя. Особенных поводов к сближению у меня с ним вначале не было, вероятно потому, что, попав на крайне многолюдный курс, мы все, юнцы, держались больше общества своих земляков: так было со мной, так же было и с А. П., который, однако, как мне стало известно от Зембулатова, вскоре примкнул к группе художников и литераторов. Несмотря на рано обнаружившийся у него уклон в сторону писательства, он тем не менее оставался прилежным студентом, хотя и довольно пассивным по отношению к общественной работе или медицинской специальности. Он аккуратно посещал лекции и практические занятия, нигде, однако, не выдвигаясь вперед. Если бывал на сходках¹, то скорее в качестве зрителя, и на 2-м курсе, в 1880/81 академическом году, в бурные времена, предшествовавшие и последовавшие за событием 1 марта

1881 года (убийством Александра II), он оставался в рядах большинства студентов курса, не индифферентных, хотя и не активных революционеров.

В прорывавшемся иногда вихре, выдвинувшем на вершину волны Омарева², Стыранкевича³, П. П. Кащенко⁴ и др., остальные тысячи студентов нашего университета слились в бушевавшую массу, и потому, вероятно, менее активные студенты не оставили следов своего личного отношения к историческим событиям той знаменательной эпохи. Этим я и объясняю то, что у меня выпал из памяти образ А. П. за этот период времени. Позднее, когда студенческая жизнь вошла более или менее в свою колею, его можно было видеть в аудиториях и лабораториях; экзамены он сдавал добросовестно, переходя с курса на курс. О его отношениях к занятиям и студенческим обязанностям свидетельствует образцово составленная на V курсе кураторская (обязательная зачетная) история болезни пациента нервной клиники. Представление о Чехове-студенте у меня составилось частью из наблюдений со стороны и личных встреч — особенно во время занятий с товарищами в порученной мне, как старосте V курса, студенческой лаборатории, — частью же из того, что о нем сообщал словоохотливый и прямодушный, наш милый товарищ Вася Зембулатов, которого Чехов часто звал по гимназическому обычаю «Макаром»⁵, и другой товарищ по Таганрогу Савельев⁶. Оба товарища А. П. относились к нему, как к самому лучшему другу детства; их соединяла не только гимназическая скамья, но и донское происхождение и весь, хотя и неглубокий, но и обычно интимный круг интересов гимназических одноклассников. Толстенький, маленький, с ротиком сердечком, маленькими усиками и жидкой эспаньолкой, с подпрыгивающим животиком во время добродушного смеха, степняк-хуторянин Вася Зембулатов и поджарый, высокий, добрый, благородный, по-детски мечтательно-удивленный молчаливый казак Савельев как-то дополняли друг друга. У Чехова, уже студентом ушедшего в круг широких литературных интересов и уже проявившегося, как яркая творческая индивидуальность, казалось, ничего не должно было оставаться общего с этими милыми детьми южных степей. А между тем тесная дружба с

гимназическими товарищами оставалась неизменно прочной до последних дней каждого.

Пришел конец курсу медицинских наук, и из окончивших его студентов осталось нас в Москве человек 25—30, остальные же разбрелись по широкому простору Европейской и Азиатской России. Связи курса разорвались, разбились и прочные земляческие гнезда, в том числе и таганрогское; встречи с однокурсниками стали случайными. А. П. Чехова я потерял из виду, и с 1884 по 1893 год имел о нем сведения лишь по его произведениям. Через девять лет по окончании курса я впервые встретился с ним случайно однажды днем, когда я шел из университета домой. На Никитской улице, не доходя до Никитских ворот, я услышал голос, окликнувший меня, и ко мне подъехал в извозничьей пролетке Антон Павлович; насколько я помню, он был в драповом пальто, в широкополой шляпе и галстук, завязанном бантом. Лицо его было озарено радостной улыбкой. Он закидал меня вопросами, рассказал в кратких словах о своей поездке на Сахалин и, для продолжения беседы, предложил зайти в редакцию «Русской мысли», помещавшейся в соседнем Леонтьевском переулке. Нас здесь встретил редактор В. А. Гольцев, с которым, за стаканчиком легкого вина, мы побеседовали на темы дня. Неожиданная встреча с А. П., как яркая искра осветила наше прошлое, выдвинула из мрака почти десятилетней разлуки все то общее, что между нами зарождалось в студенческие годы и вынашивалось в тяжелые годы реакции. Эта встреча сблизила и наши эстетические вкусы, положила основу чувству дружбы, доверия и симпатии, которые нас не покидали до рокового 1904 года — конца жизни А. П.-ча. С этой поры не было, кажется, ни одного приезда А. П. в Москву, когда он ко мне не заходил бы, или я его не навещал.

О некоторых наших встречах⁷ расскажу вкратце то, что у меня сохранилось в памяти. Однажды, вскоре после описанной встречи, А. П.-ч пригласил меня к себе на Неглинный в дом Ганецкой для встречи с М. Горьким, с которым мой друг хотел меня познакомить, как с человеком высокого художественного дарования⁸. К моему огорчению, свидание не состоялось: Горькому было некогда, но мы провели время в долгой беседе на

темы, которые сами собой обычно всплывали при наших встречах — о товарищах по курсу, о научных новостях в медицине, о современной литературе и особенно часто о литературном творчестве. Как бы продолжением этой беседы через некоторое время явилась другая, при посещении его на Спиридоновке во флигеле, во дворе⁹.

Это было зимой, перед вечером. Эта встреча осталась у меня в памяти главным образом потому, что А. П. делился со мной наблюдениями над своим творческим процессом. Меня особенно поразило то, что он подчас, заканчивая абзац или главу, особенно старательно подбирал последние слова по их звучанию, ища как бы музыкального завершения предложения. Особенно интересны были его рассуждения на тему о влиянии медицины и естественных наук на него, как на беллетриста; эти мысли он включил в присланную мне вскоре затем свою автобиографию для помещения в юбилейный сборник нашего университетского выпуска¹⁰. Вот что писал он в этой автобиографии:

«Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где не возможно — предпочитал не писать вовсе.

Замечу кстати, что условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, то есть нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность, и что он имеет дело со сведущим писателем. К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу, и к тем, которые до всего доходят своим умом, — не хотел бы принадле-

жать»... (См. «Письма А. П. Чехова» под редакц. М. П. Чеховой, т. V, стр. 439.)

В этот же вечер мы обсуждали проект упомянутого выше празднования в июне того года (1899) нашим выпуском пятнадцатилетия окончания курса. А. П. хотел принять участие, прислал фотографическую карточку и автобиографию, обещал явиться и на вечеринку, если окажется к тому времени в Москве. Сделать этого ему, однако, не удалось...

2 мая 1900 года вечером ко мне зашел А. П. Чехов¹¹. У меня он застал нашего общего учителя Александра Богдановича Фохта¹². А. Б., талантливый чтец, цитировал и беллетристов и поэтов, делился своими воспоминаниями о знаменитых драматических артистах. Уступая нашим настойчивым просьбам, он прочел несколько рассказов Слепцова («Спевка», «В вагоне 3-го класса» и др.). Чтение было настолько живо и замечательно по художественной передаче, что А. П. Чехов хохотал до колик в животе. Продолжая хохотать, со слезами на глазах он говорил, что в жизни ему не приходилось переживать подобного наслаждения, как в этот вечер. Позднее он не раз, при наших встречах, вспоминал об этом вечере и просил снова пригласить его, когда у меня будет А. Б. Фохт. Этого, однако, повторить не пришлось; и не раз теперь, встречая своего учителя и слушая его чтение и декламации, вспоминая покинувшего нас друга, его детски восторженное и радостное лицо в тот вечер.

Еще одна встреча с А. П., оставившая в моей памяти глубокий след, относится к 16 декабря 1903 года. Сообщаю о ней выпиской из моего дневника... «Хорошили Алтухова¹³, еще один товарищ-однокурсник доработался. На отпевании в университетской церкви меня взял за локоть Чехов. Я не знал, что он здесь, но очень ему обрадовался. Он очень изменился за последние полгода: похудел, пожелтел, и лицо покрылось множеством мелких морщин. И все-таки какое у него всегда доброе, славное и молодое лицо. Удивленно, с доброй, мечтательной улыбкой, глядя вдаль из-под пенсне, он нежным баском подпевал хору.

До окончания службы, уставши, он предложил ехать ко мне отдохнуть и подкрепиться, чтобы затем ехать на

кладбище; я, конечно, согласился и повез его к себе... М. С.¹⁴ захотела снять нас вдвоем; Чехов сказал, что он с радостью будет позировать, — он к этому привык — при этом шутил на тему о том, кто из нас двоих раньше последует за Алтуховым... Мы долго ждали у входа на кладбище, так как гроб несли на руках. Сильна, однако, меланхоличная нотка у Чехова. Он любит, как говорит, кладбище, — особенно зимой, как сегодня, когда могил почти не видно из-под глубокого пушистого снега.

Погребальное шествие подходило к воротам кладбища, а его конец терялся во мгlistой дали зимних сумерек; над головами толпы молодежи качался гроб; впереди несли венки, и первым — венок из свежих цветов «от учеников»; его высоко держали студент и курсистка с гордо поднятыми головами, с решительным, хотя и грустным взором. Невольно вырвалось: «Какой простор!»¹⁵ — «Вот они, те, — сказал Чехов, — которые хоронят старое и, вместе с ним, вносят в царство смерти живые цветы и молодые надежды...» Чуть же не накануне своего рокового отъезда в Баденвейлер что-то в самом конце мая или 1, 2 июня 1904 года А. П. спешно вызвал меня к себе несколькими словами на клочке бумаги; видно, писать ему было трудно, хотя почерк был еще его обычный, твердый, мелкий и единообразный.

Собрался я к нему в сумерки жаркого безоблачного дня; было душно; на небе и на земле лежал печально-бледный тон; город казался вымершим, и редкие люди, одиноко бродившие по пустынным улицам мимо зеркальных окон запертых магазинов, напоминали мух. С грустным чувством подходил я к жилищу Антона Павловича. Он жил тогда в Леонтьевском переулке, в верхнем этаже большого дома № 26, третьего или четвертого от Тверской. Войдя к нему в кабинет, я застал его в постели у стены, изголовьем к окну, у которого за письменным столом, при лампе под зеленым абажуром, сидела, облокотившись, Ольга Леонардовна и, сколько мне помнится, перелистывала «Русскую мысль». В комнате царил полумрак; бледный свет умиравшего дня боролся с зеленым тоном искусственного освещения. Рука Чехова была суха и горяча, щеки горели; в прерывавшемся одышкой голосе звучали радостные и доб-

рые нотки. На вопрос о здоровье, он пожаловался на мучительные кишечные расстройства, но высказал при этом большое удовольствие по поводу замечательного врачебного опыта лечившего его терапевта, доктора Ю. Р. Таубе, удивительно изобретательного по части разных легких блюд и вкусных пищевых сочетаний. К своей основной, легочной болезни он относился с обычным для таких больных оптимизмом. Вспоминали мы с Чеховым наши университетские годы и товарищей, живых и покойников; прошло уже двадцать лет со дня окончания нами курса. Он, как и всегда, подробно расспрашивал о тех однокурсниках, с которыми мне чаще приходилось встречаться; не обошли мы, конечно, и в этот раз молчанием нашего общего товарища и друга, а его товарища по таганрогской гимназии, уже умершего Василия Ивановича Зембулатова. Антону Павловичу было трудно говорить; ему было тяжело, и в комнате все еще стояла духота. Воспользовавшись вопросом о том, что поделявал я в последнее время, я подробно рассказал ему о своей недавней поездке на о. Корфу, о прелестях тамошней природы и климата, о дивных экскурсиях в Грецию — на Марафон, к развалинам храма Диониса и подножия Пентеликона, о волшебных панорамах во время проезда по Архипелагу, о розовой утренней заре, освещавшей покрытую в то время снегом и точно висевшую в безбрежности глубокого южного неба вершину старого Афона, о том душевном покое, который испытываешь среди морской прохлады во время морских путешествий. Не помню еще, о чем в этом роде старался я рассказывать метавшемуся в жару А. П-чу, хотя и слушавшему меня с напряженным вниманием. Мне казалось, что, унеся его мысленно в волшебные края, подальше от окружавшей его обстановки, я облегчал его томление и отгонял призрак «Черного Монаха»¹⁶.

Были у меня с А. П. и еще встречи, правда мимолетные, случайные. Помню одну в вестибюле Художественного театра на премьере одной из его пьес; другую — в его квартире на Малой Дмитровке, в Дегтярном переулке в доме Шешкова, в присутствии молодой интересной дамы, сидевшей на диване, в то время как Чехов ходил по комнате веселый, изящно одетый и что-то ей

объяснял в полушутливом тоне; бывали и другие встречи — заключаю это на основании писем.

Фактический материал, который у меня накопился благодаря встречам, наблюдениям, беседам и письмам, позволяет составить характеристику личности А. П. На основании этих данных у меня вырисовывалось отношение его к товарищам, к практическому врачебному делу, к медицинской науке, к его болезни, к артистам — исполнителям его произведений, наконец, к политике.

К товарищам он относился крайне благожелательно. Раз сойдясь и подружившись, он сближался все более и более и был в чувствах своих неизменно прочен, поэтому и отвечали ему друзья тем же. К числу близких его друзей со студенческих лет относится и умерший сравнительно недавно доктор Николай Иванович Коробов¹⁷, сохранивший к А. П. до конца своей жизни чувства искренней дружбы и симпатии. Хотя Чехов и сошелся на курсе с иемногими, но товарищеское чувство у него распространялось далеко за пределы кружка земляков и друзей. Лет через шестнадцать после окончания курса один из наших однокурсников — Д.¹⁸ заболел психически. А. П. даже не был с ним знаком, узнав, однако, стороной, что семья заболевшего осталась без всяких средств к жизни, он принял энергичное, живое участие в организованной мной денежной помощи. Еще пример. — Я был вызван в г. Серпухов к захворавшему параличом д-ру В.¹⁹; по возвращении в Москву вскоре получил от А. П. запрос о состоянии знакомого ему больного товарища. Стоит ли говорить, что его гимназические товарищи проявляли самое трогательное к нему внимание и любовь. Как было сказано выше, Чехов был примерным студентом и, несмотря на отвлекавшие его с первых же курсов писательские дела, с полным успехом изучил медицинские науки: лекции он посещал аккуратно и клиники и лаборатории. По окончании медицинского факультета он не бросил медицину, он работал в качестве земского врача в Воскресенске и Звенигороде Московской губернии и заведывал во время холерной эпидемии мелиховским участком, тоже Московской губернии. Работал он с любовью и добросовестно, как об этом гласят предания.

В Воскресенске он нашел в лице теперь уже покойного фельдшера земской больницы оригинал для героя своей «Хирургии»²⁰. В Звенигороде он насадил на земле больницы аллею лиственниц, которые еще и теперь стройными красавицами тянутся от служебного корпуса вплоть до больничного. И помимо больничной работы, доктор Чехов не избегал, поскольку ему позволяло время и обстоятельства, практической врачебной деятельности: у меня бывали с ним общие пациенты, которых он иной раз направлял ко мне из Мелихова и из Крыма для выяснения характера нервного заболевания. Он любил давать врачебные советы и следил за научной и практической медициной по периодической литературе. Отношение его к больным отличалось трогательной заботливостью и мягкостью: видно было, что в нем, враче, человеческое достигало высокой степени, что способность сострадать, переживать вместе с больным его страдания была присуща не только ему, как человеку, но еще более как врачу-человеку. Меня, между прочим, однажды поразила глубокая сердечность, с которой он хлопотал о приискании средств для помещения через меня в лечебницу писательницы Н.²¹

Следить за большой медицинской наукой А. П., конечно, было некогда, хотя он старался черпать сведения о движении науки из общемедицинских периодических журналов. Тем не менее ученая степень, поскольку она была нужна для преподавания в университете — о чем он любил помечтать — казалась ему желательной. Во время одного нашего с ним разговора о необходимости профессору при описании болезней подходить и со стороны переживаний самого больного, он выразился так: «Я страдаю, например, катаром кишек и прекрасно понимаю, что испытывает такой больной, какие душевные муки переживает он, а это редко врачу бывает понятно. Если бы я был преподавателем, то я бы старался возможно глубже вовлекать свою аудиторию в область субъективных ощущений пациента, и думаю, что это студентам могло бы действительно пойти на пользу». Идея мне очень понравилась; и я предложил ему предпринять шаги для получения звания приват-доцента, для чего требовалось запастись ученой степенью доктора медицины. «Но у меня нет диссертационной работы.

Разве только предложить для этой цели «Сахалин»? — Ну что же, — сказал я, — и очень просто. Он дал мне согласие переговорить по этому вопросу с тогдашним деканом, проф. И. Ф. Клейном²², что я и сделал. Однако я потерпел полнейшее фиаско, так как декан на мое предложение сделал большие глаза, взглянув на меня поверх очков, отвернулся и молча отошел. Я рассказал о своей неудаче Чехову, который в ответ расхохотался. С тех пор он окончательно оставил мысль об академической карьере.

Несколько слов и об отношениях А. П. к своей болезни, которое было удивительно характерным. Как известно, он более десяти лет страдал туберкулезом легких, позднее поразившим и его кишечник; известно также, что туберкулезные больные крайне оптимистически относятся к своей болезни, то игнорируя симптомы ее, то стараясь объяснить явление чем-либо иным, но не туберкулезом, и нередко, даже накануне смерти, считают себя совершенно здоровыми. Чехов, образованный врач, крайне чуткий человек, обладавший способностью глубокого анализа и самоанализа, хотя не отрицал существования болезни, но относился к ней крайне легкомысленно, чтобы не сказать больше, и различные проявления ее старался объяснить по-своему. Так, например, в письме от 30/IX 1900 г., когда речь шла, повидимому, об обострении легочного процесса, он мне пишет: «Здоровье мое сносно, было что-то вроде инфлюенцы, а теперь ничего, остался только кашель, небольшой».

Или еще 17/VI 1904 г., то есть за две недели до смерти, по приезде в Баденвейлер, он прислал мне открытку, в которой писал: «Я уже выздоровел, осталась только одышка и сильная, вероятно, неизлечимая лень. Очень похудел и отошал. Боли в руках и ногах прошли еще до Варшавы».

Еще более поразительно то место его письма, — написанного мне за три дня до смерти (28/VI 1904), где он жалуется на свои страдания, заставляющие его мечтать о морском путешествии обратно в Россию Средиземным и Черным морем... «У меня все дни была повышена температура, а сегодня все благополучно, чувствую себя здоровым, особенно, когда не хожу, т. е. не

чувствую одышки. Одышка тяжелая, просто хоть караул кричи, даже минутами падаю духом. Потерял я всего 15 фунтов весу. Здесь жара невыносимая, просто хоть караул кричи, а летнего платья у меня нет, точно в Швецию приехал. Говорят, везде очень жарко, по крайней мере на юге...»

Тут и одышка и ощущения, сопровождающие повышенную температуру, и слабость (почерк, стиль и пр.), а между тем оценка состояния неверная, раз он, расстававшийся с жизнью, в чем для окружающих не могло уже быть никакого сомнения, готовился к долгой поездке морем, чтобы вернуться в Ялту.

Воспоминания профессора-невропатолога Григория Ивановича Россолимо (1850—1928) печатаются по рукописи, хранящейся в Центральном государственном литературном архиве. Частично воспоминания Г. И. Россолимо напечатаны в журнале «Правда», 1905 г., июль и в «Русских ведомостях», 1914 г. 2 июля, № 151.

¹ Университетские сходки, о которых упоминает Г. И. Россолимо, происходили 10, 12, 27 и 31 марта 1881 г.

² Повидимому, Н. Ф. Амиров, студент-медик, член центрального университетского кружка «Народной воли» в Москве.

³ *Стыранкевич*, студент-медик, активный участник студенческих волнений.

⁴ *Кащенко* Петр Петрович (1853—1920), студент-медик, впоследствии выдающийся психиатр. Председатель студенческих сходок, очень популярный среди московского студенчества того времени.

⁵ *Макар* — прозвище, которое в шутку А. П. Чехов дал своему товарищу Зембулатову еще в таганрогской гимназии за то, что на вопрос учителя греческого языка: как будет «блаженный» по-гречески, он отвечал: макар вместо макара.

⁶ *Савельев* Дмитрий Тимофеевич (1857—1900), врач, товарищ Чехова по гимназии и университету.

⁷ Даты описываемых встреч (помимо первой и последних — 1903 и 1904 гг.) ошибочны.

⁸ Встреча на Неглинном пр. в д. Ганецкой могла быть только в 1902 г.

⁹ В д. Бойцова на Спиридоновке Чехов жил в 1901 г.

¹⁰ Юбилейный сборник выпуска 1884 года. Издание сборника было задумано и осуществлено по инициативе Г. И. Россолимо в память XV-летия выпуска. Сборник состоит из фотографий однокурсников, к некоторым из них приложены автобиографические сведения (см. Юбилейный сборник, XV. Врачи, окончившие курс в Московском университете в 1884 году (1884—1899). М. Типография Гроссман и Вильденштейн, 1900 г. На товарищеском обеде медиков 84-го года Чехов не был по семейным обстоятельствам, и ему была послана приветственная телеграмма.

¹¹ Встреча у Г. И. Россолимо была, повидимому, в 1899 г. (О чтении А. Б. Фохтом рассказов Слепцова Чехов писал Горькому 1 января 1900 г.)

¹² Профессор медицинского факультета Московского университета — учитель Россолимо и Чехова.

¹³ *Алтухов* Николай Владимирович (1859—1903), проректор

Московского университета, товарищ Россолимо и Чехова по университету. С Чеховым был в переписке (1901—1902 г.), сообщал ему об университетских событиях того времени. «И мы с Вами, поистине, были студентами в блестящую эпоху Московского университета», — писал он Чехову.

¹⁴ *Россолимо* Мария Семеновна, жена Г. И. Россолимо.

¹⁵ «Какой простор!» — название картины художника И. Е. Репина.

¹⁶ Россолимо имеет в виду рассказ Чехова.

¹⁷ *Коробов* Николай Иванович (1860—1919), врач, однокурсник Россолимо и Чехова по университету.

¹⁸ *Данилов* Владимир Константинович, однокурсник Чехова по медицинскому факультету Московского университета, служил врачом Московского военного госпиталя. О посланных Данилову деньгах Чехов сообщал в письме к Россолимо от 6 февраля 1902 года.

¹⁹ *Д-р В.* — имеется в виду Иван Германович *Витте* (1854—1905) — врач Серпуховского город. медич. участка, один из организаторов общественной медицины уезда в 1885—1900 гг. Есть письмо Россолимо к Чехову от 26 октября 1899 года с отзывом о состоянии здоровья Витте, в ответ на запрос об этом Чехова.

²⁰ Прототип фельдшера Курятина в «Хирургии» — звенигородский фельдшер Сергей Васильевич Барминцев.

²¹ Речь идет о писательнице Ольге Филипповне Жихаревой, одной из пациенток Г. И. Россолимо; по его просьбе Чехов писал в Литературный фонд относительно выдачи пособия Жихаревой.

²² *Клейн* Иван Федорович (1867—1944).